

ПРОТОИЕРЕЙ А.М. ДЕРЖАВИН. ЛИЧНОСТЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Е. И. ДЕРЖАВИНА
(Институт русского языка РАН)

От редколлегии

Данной публикацией редколлегия филологической серии «Вестника Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета» предполагает открыть серию статей, посвященных истории русской церковной историко-филологической науки. Статья кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Елены Игоревны Державиной написана в жанре биографического очерка о священнослужителе и ученом, в «ночи советской» решавшем такие задачи по истории русской агиографии, масштаб которых может быть сопоставим с деятельностью знаменитых болландистов. Однако, в отличие от своих западных коллег, работавших и продолжающих плодотворно работать в исключительно благоприятных для ученых занятий условиях, на долю о. Александра Державина выпало пройти многие трагические этапы отечественной истории XX в. Несмотря на это, в науку протоиерей Александр Михайлович Державин вошел как автор фундаментальной монографии, посвященной источникам и истории текста Четиих Миней свт. Димитрия Ростовского, первая часть которой лишь недавно была опубликована трудами автора очерка – Е. И. Державиной¹. В настоящее время готовится к печати вторая часть. Публикация трудов А. М. Державина, хочется надеяться, поможет восстановить разорванную цепь русской церковно-научной традиции, и имя А. М. Державина встанет в один ряд с такими деятелями Церкви и науки, как архиеп. Сергей (Спасский), архиеп. Антонин (Капустин), еп. Порфирий (Успенский), протоиерей А. И. Невоструев, автор Словаря церковнославянского языка

¹ См. примеч. 5.

современной русской редакции, публикация которого началась на страницах «Вестника» нашего Университета, протоиерей А. И. Горский, ректор Московской духовной академии, один из авторов энциклопедического описания рукописей Московской Синодальной библиотеки, И. А. Карабинов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, автор фундаментального исследования о Триоди, расстрелянный в Тобольске 30 августа 1937 г., священномученик протоиерей В. А. Рыбаков, погибший от тюремных побоев в 1934 г., в своей монографии о преп. Иосифе песнописце (до 1914 г.) превзошедший результаты западноевропейских ученых конца XX в., и многие другие священнослужители и ученые.

Четии Минеи свт. Димитрия Ростовского были написаны на рубеже XVII и XVIII вв. Подобного труда в дальнейшей истории русской православной литературы создано не было. Наступило новое время, которое вызвало новые литературные сочинения, но Минеи Димитрия Ростовского надолго стали излюбленным чтением русского народа. Их написанию свт. Димитрий посвятил всю свою жизнь. В свою очередь около сорока лет жизни о. А. М. Державина были отданы исследованию этого труда.

Александр Михайлович Державин родился 2 декабря (19 ноября) 1871 г. в семье потомственного священника. До сих пор в селе Никольском на реке Молокше, которое находится не так далеко от Ростова, стоит большой дом, где жило не одно поколение Державиных. Недалеко от церкви, теперь, к сожалению, все еще заброшенной, стоит двухэтажное здание, построенное Михаилом Захаровичем Державиным, отцом Александра Михайловича, для церковно-приходской школы. Если сейчас, в наше время село запустело, то во времена детства и юности Александра Михайловича оно было живым, многолюдным, служило центром духовной и культурной жизни довольно большого прихода. В центре же его находились, конечно, церковь и семьи клира.

Семья Державиных была большая и дружная. Дети (трое братьев и две сестры) воспитывались родителями во взаимной любви, уважении и дружбе. Родственные чувства и любовь к своей маленькой, затерянной в ярославских лесах родине осталась у всех членов этой семьи на всю жизнь. Думая о своих родителях, о жизни в родительском доме, Александр Михайлович так пишет своему среднему брату в письме от 28 января 1897 г.: «Я теперь иногда задумываюсь о пережитом, о своем детстве — и при этих думах образ моих родителей выплывает в моей памяти таким светлым, любящим, добрым, что невольно поднимаются все душевные силы. Вспоминаются заботы папы, приходят на память разные факты жизни /.../ сколько труда, сколько горя и тревог перенес

он для меня! Сколько любви проявил ко мне! сколько раз, не жалея себя, спасал и защищал меня!.. кажется, если бы был тут папа, я бы упал перед ним на колена и со слезами целовал бы края его одежды, и горячо излил бы ему мою благодарность»².

После окончания Ярославской духовной семинарии с аттестатом первого разряда Александр Михайлович был назначен надзирателем Угличского духовного училища, где трудился до 1897 г. Выбор жизненного пути для него был ясен. Он еще в семинарии задумывается о предназначении священника. Образцом для него был, конечно, его отец. Поэтому особенно тепло он думает о сельских священниках, которые находятся в гуще народной жизни, по сути, живут той же жизнью, что и крестьяне. Наиболее сильными эти размышления стали у Александра после окончания семинарии, в Угличе. Вера в высокое предназначение священника, унаследованная им от отца, не раз сталкивала его в жарких спорах с людьми, отвергавшими роль священнослужителей в духовном воспитании народа.

Здесь необходимо сказать и еще об одной грани личности Александра Михайловича — о его лирическом даре, который начал раскрываться еще в период учебы в Ярославской духовной семинарии. Человек очень наблюдательный, светлый и поэтический, А. М. Державин черпал утешение от детских обид и огорчений в чтении и наблюдении за постоянно меняющейся красотой природы. Страсть к чтению, усвоенная им еще в детстве, в родной семье, постепенно переросла в желание своими словами выразить красоту Божьего мира. Всю свою жизнь Александр Михайлович не оставляет своего излюбленного занятия — стихосложения. Его стихи печатались в журналах «Русский паломник», «Божья нива», «Душеполезное чтение», «Приходская жизнь», «Епархиальные Ярославские Ведомости». Основными темами для него были Церковь, семья и природа. Он описывает жизнь сельских священников, церковные праздники, но есть у него и стихотворные переложения евангельских сюжетов (Тайная Вечеря, притча о блудном сыне, исцеление слепого, Мария Магдалина), 136-го псалма и кондака на Рождество Христово. Однако о своих литературных способностях о. Александр отзывается весьма скромно: «В истории русской литературы есть один Державин, и другому никогда не быть там».

В Угличе Александр Михайлович знакомится с семьей протоиерея Успенской церкви Константина Николаевича Приорова, человека в городе весьма заметного и уважаемого. У отца Константина Приорова

² Зд. и далее цитируются письма и другие неопубликованные материалы, находящиеся в личном архиве семьи Державиных.

было шесть дочерей, одна из которых, Лидия Константиновна, в то время работавшая народной учительницей, Александру Михайловичу очень понравилась. Обоих объединяло духовное родство, которое впоследствии поможет им перенести все невзгоды, уготованные на жизненном пути. Всю последующую жизнь Александр Михайлович и Лидия Константиновна проживут во взаимном уважении и любви.

Бракосочетание состоялось летом 1897 г. В том же году после рукоположения они уехали в глухое село Рождественское на реке Ворсме. Здесь и началось то служение родному народу, о котором мечтал молодой священник. Александр Михайлович был поражен бедностью своего прихода. Однако, когда он ближе познакомился с крестьянами, посещая каждый дом, он поразился отсутствию в них унылости и забитости. «Еще в Семинарии, за школьной скамьей, когда мне приходилось думать о будущем, я всегда стремился в деревню, к простому народу: мне хотелось пожить с ним и потрудиться для него, сколько хватит сил. Бог исполнил мое желание, — вспоминал отец Александр. — Приехал я на место своего служения осенью, вдвоем с женой, которая до этого лет шесть была учительницей в школе. Оба мы были молоды, оба желали потрудиться для народа и потому еще дорогой не раз говорили и мечтали о том, как заведем в своем приходе школу и будем учить крестьянских детей». Лидия Константиновна сразу же занялась устройством у себя в доме народной школы. Ими были организованы и литературные чтения, так называемые «палестинские вечера», которые пользовались у народа большим успехом. Пастырская и просветительская деятельность молодого священника была замечена: его, предположительно, в 1905–1908 гг., избрали членом Императорского Палестинского Общества.

В 1909 г. Александру Михайловичу предложили перейти на службу в ростовский собор. Здесь он, видимо, впервые так близко сталкивается с вещественными «следами», оставшимися со времени пребывания в Ростове свт. Димитрия. Там, в ризнице Спасо-Иаковлевского монастыря, сохранялась митра святителя, а в библиотеке — его рукописи.

В том же году в Ростове отмечалось двухсотлетие со дня кончины свт. Димитрия Ростовского. Активным организатором и участником торжеств был митрополит Ярославский и Ростовский Тихон, будущий патриарх³. К этому событию Александр Михайлович написал «гимн на 200-летний юбилей со дня кончины свят. Димитрия, ростовского

³ Видимо, к этому времени относится знакомство Александра Михайловича с митроп. Тихоном, которое продолжилось и в Москве.

чудотворца», исполненный соборными певчими ярославского архиерейского хора⁴. В Ростове Александра Михайловича постигло и большое семейное горе — умерла его младшая дочь Клавдия. Может быть, это печальное событие стало одной из причин, побудивших его уехать из Ростова, когда к нему обратились крестьяне села Никольского с просьбой перейти на служение в церковь их села.

О. Александр прослужил в родном селе почти четыре года. Там он серьезно заболел и вынужден был оставить любимое дело. В это время у него появилось желание продолжить свое образование. А. М. Державин решает поступать в Киевскую духовную академию. На приемных экзаменах он занял первое место в разрядном списке и оставался первым до конца курса.

Александр Михайлович поступил в Киевскую духовную академию в 1910 г. Участь в Академии, он начинает серьезно заниматься творчеством свт. Димитрия Ростовского, тем более, что Киев связан с самым плодотворным периодом жизни писателя. Здесь, в Киево-Печерской Лавре, он начал свой труд над составлением своих знаменитых Четиих Миней. В Печерском же соборе Александр Михайлович видел монахов, которые показывали ему место, где в молитве стоял Димитрий Ростовский. После окончания Киевской духовной академии Александр Михайлович был оставлен там на год стипендиатом. В этот период им была написана первая научная работа о свт. Димитрии Ростовском — кандидатская диссертация, легшая впоследствии в основание труда всей его жизни. Александр Михайлович глубоко воспринял слова профессора Ф. И. Титова, сказавшего ему, «что на воспитанниках Киевской Духовной Академии лежит долг написать более серьезное и полное сочинение о Четиих Минях свт. Димитрия, также воспитанника Киево-Могилянской коллегии».⁵ Он решает продолжить свою работу,

⁴ В нем есть такие слова, характеризующие чувства Александра Михайловича:

«Вся твоя жизнь многотрудная чистая
Господу Богу была отдана,
Словно на небе заря золотистая,
В сумраке века горела она.
Все в ней достойно теперь удивления:
Дивная святость, любовь, чистота,
Труд постоянный, святые творения,
Кротость и преданность воле Христа.»

Цит. по: Торжественные дни в Ростове Великом. В память 200-летия со дня блаженной кончины свят. Димитрия, ростовского чудотворца. В. Т-аго. М., 1909. С. 13.

⁵ Державин А. М., прот. Радуют верных сердца. Чети-и-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского. М., 2006. С. 8–9.

сознавая, что труд свт. Димитрия заслуживает более глубокого исследования.

В 1915–1917 гг. семья Державиных живет в Москве, на Малой Ордынке. Александр Михайлович служит в это время в храме, находящемся поблизости, и много времени уделяет раненым солдатам, лежащим в госпитале.

Многое, что позднее будет написано о свт. Димитрии Ростовском, о его пребывании в Москве и приобщении к ее святыням, применимо и к самому Александру Михайловичу, писавшему в своем исследовании: «Как столица великого государства, как сокровищница, в которую русский народ собрал все ценное, чего он достиг в предыдущие периоды своей исторической жизни, Москва должна была произвести сильное впечатление на религиозного и любознательного Святителя Димитрия»⁶. В это время Александр Михайлович много работает в рукописных хранилищах Москвы, и в 1917 г. заканчивает свое исследование в первоначальном варианте. Он отослал его в Киевскую духовную академию для прочтения. Но произошедшая революция, беспорядки, нарушение работы всех служб стали причиной того, что диссертация потерялась при пересылке. Однако Александр Михайлович не падает духом, почти сразу же он начинает работы по ее восстановлению по своим черновикам, по памяти.

Первый вариант диссертации, безусловно, определил направление и основные принципы работы. Однако с уверенностью можно сказать, что необходимость пересмотреть его и начать сначала принесла всему исследованию огромную пользу, расширив и углубив его. Александр Михайлович не торопился в своем труде, тем более, что дальнейшие обстоятельства его жизни надолго отодвинули завершение исследования.

После революции Александр Михайлович служил в храме Святой Троицы на Капельках до закрытия и разрушения этого храма. Семья жила неподалеку от храма в небольшом одноэтажном доме. Здесь же в 1931 г. Александр Михайлович был арестован. Каким был повод для ареста, сказать сейчас трудно. Возможно, что это было связано с благотворительностью о. Александра. Когда в руках Александра Михайловича скапливались деньги, он раздавал их нуждающимся в средствах прихожанам. На этот раз прихожанами была собрана небольшая сумма уже для Александра Михайловича. Вечером к нему пришли с обыском и арестом. Наиболее вероятно, однако, что о. Александра арестовали потому, что он был близок к патриарху Тихону. Во всяком случае,

⁶ Державин А. М., *прот.* Указ. соч. С. 206.

в протоколе записано, что во время обыска в доме о. Александра «ничего не найдено».

Два месяца о. Александр провел в Бутырской тюрьме. После вынесения приговора (ст. 58, п. 10⁷) его сослали в Устюг, куда к нему приезжали жена и дочь, Ольга Александровна, затем в Сыктывкар, от туда — в деревню Верхняя Вочь в Зырянском крае, где о. Александр работал на лесозаготовках. Жизнь там была голодная, лишь иногда из дома пересылались сухари. Его дочь и жена ездили к нему один раз. Ольга Александровна не любила об этом рассказывать, только однажды она обмолвилась о ночевке на полу Котласского вокзала и о крысах, бегающих между телами спящих людей. После того, как Александра Михайловича освободили, ему с женой было разрешено выбрать себе место для поселения (любое, кроме Москвы и Ленинграда). Александр Михайлович выбирает Ростов — город, связанный с его судьбой и трудом над исследованием жизни и творчества свт. Димитрия. Здесь Александр Михайлович и Лидия Константиновна, приехавшая к нему из Москвы, живут в небольшой комнатке в стене Ростовского Кремля, в которую надо было по ступенькам спускаться вниз. В комнате стояли две кровати, больше же там ничего не помещалось и даже есть приходилось на подоконнике. «Днем у тусклого слюдоваго окна, а ночью при слабом свете сальной свечи», — так свт. Димитрий писал о своих трудах в Ростове, так же, очевидно, трудился в своей тесной комнатке и Александр Михайлович, продолжая начатое в далеком 1914 г. исследование.

Однако и это тяжелое время прошло. В феврале 1939 г. дело пересмотрели, судимость была снята, и о. Александра прописали в Москве. Семья смогла объединиться⁸. Поселились они в том же доме, по адресу: Капельский переулок, 71. Дом был старый деревянный, двухэтажный, с маленькими окнами, густонаселенный. Державиных «уплотнили», теперь им принадлежали две небольшие комнатки. Всех приходивших к ним (а гостей было много) поражали теснота и обилие книг. Жила же семья очень скудно. Несмотря ни на что, этот период был для Александра Михайловича временем наиболее плодотворных трудов. Все эти

⁷ Статья «антисоветская агитация и пропаганда».

⁸ В Москве все это время жила их дочь — Ольга Александровна, сначала преподававшая русский язык и литературу в средней школе, а затем — в Потемкинском городском педагогическом институте. Впоследствии, скорее всего, под влиянием своего отца она занялась древнерусской литературой, защитила кандидатскую и докторскую диссертации по русской литературе XVII в. О. А. Державина издала «Временник Ивана Тимофеева», «Сказание Авраамия Палицына», «Великое зеркало» — книги, которые и поныне не выходят из научного оборота.

годы он не оставлял свой научный и исследовательский труд над Четими Минеями Димитрия Ростовского. Теперь же он смог работать в московских рукописных хранилищах, смог поделиться результатами своего труда с научной общественностью Москвы, сделав доклад в отделе древнерусской литературы ИМЛИ им. М. Горького, которым в то время руководил Н. К. Гудзий.

Но лишь в 1954 г. Александр Михайлович поставил в своем исследовании точку и вынес его на суд духовный и научный. Диссертация «Четьи Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как исторический и литературный памятник» была защищена в том же году в Троице-Сергиевой Лавре. Это была вторая диссертация по богословию, защищенная в советский период. Митрополит Питирим (Нечаев), тогда еще молодой человек, в книге своих воспоминаний так пишет об этом: «Когда на защиту магистерской диссертации, на которой присутствовал Патриарх и весь цвет нашей тогдашней богословской школы, он принес целую кипу машинописи, все были потрясены работоспособностью этого тихого, спокойного, удивительно размеренного и в речи, и в своих движениях, и в поступках старичка-священника: он проверил страницу за страницей то, что было написано более чем двести лет тому назад, проследил весь путь, пройденный святителем Димитрием по исследованию древних источников, и, отдав этому богословскому исследованию всю жизнь, показал, насколько глубоко и научно работал святитель»⁹.

«Вплести хотя бы малую веточку в тот венок славы, каким увенчан Святитель Димитрий, прибавить новые черты к его привлекательному, с детства знакомому образу, — вот те внутренние побуждения, которые руководили мною во время работы», — писал о. Александр.

Исследование Александра Михайловича состоит из двух частей и трех томов приложений. В первой он рассматривает историю возникновения агиографической литературы в Риме и Византии, а потом и на Руси. Более подробно он останавливается на ситуации, сложившейся на территории Украины и Белоруссии, где народ в силу обстоятельств был лишен православной литературы. «Великое творение свят. Димитрия было важным и необходимым пособием в той упорной борьбе, которую в XVII в. вел православный украинский народ против католического польского правительства, отстаивая свою веру и национальность», — писал Александр Михайлович в своем исследовании. Во второй главе первой части исследования Александр Михайлович под-

⁹ Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 234.

робно рассказывает о жизни свт. Димитрия, о написании и издании Четиех Миней. Он в деталях излагает эту историю, в которой слились различные интересы: политические, религиозные, творческие.

Приступая к исследованию, Александр Михайлович, естественно, хотел опереться на труды своих предшественников. Но таких работ оказалось очень немного. Чаще всего в его диссертации цитируются исследования И. А. Шляпкина, М. Попова и Ф. И. Титова, написавшие труды, посвященные именно свт. Димитрию Ростовскому и его творчеству. Основными источниками для работы о. Александра были рукописи Святителя, сами Четиех Миней, рукописные переплетенные сборники выписок, заметок и житий, которые не всегда входили в окончательный текст Миней, а также те восточнославянские, греческие, латинские и польские источники, к которым обращался Святитель, но не просто копируя их, а творчески перерабатывая, дополняя и проверяя тексты. В них свт. Димитрий отмечает, какими рукописями, сборниками он пользовался. «В начале первой и второй тримесячных книг Четиех Миней, — пишет в своем исследовании А. М. Державин, — свт. Димитрий поместил обширные списки “учителей, списателей, историков и повествователей, от ниже книги эти составлены”, в начале и в тексте большинства житий сделал указания, у какого агиографа и из каких книг заимствовано то или другое житие или отдельный его эпизод. Эти цитаты и указания нередко отличаются большою точностью в выражении. Святитель, напр., пишет: “Отсюда начинается списание от Метафраста” (Житие священномученика Климента Римского, 25 ноября) или: “до zde Метафраст”, “до zde Кедрин” (Житие преподобномучеников Феодора и Феофана “начертанных”, 27 декабря); или: “сие вне писания Метафрастова” (Житие священномучеников Назария, Гервасия, Протасия и Кельсия, 14 октября)». Это дало повод проф. И. А. Шляпкину высказать в своей книге «Святитель Димитрий Ростовский и его время» следующее мнение: «Сличение русских житий нами оставлено в стороне, да и вряд ли оно даст какие-либо важные результаты, так как источники, какими пользовался святитель, нам вполне известны из описи его библиотеки»¹⁰. Александр Михайлович не согласился с этим выводом и в своем исследовании великолепно показал его несправедливость и поспешность.

Во второй части исследования Александр Михайлович как бы следует за свт. Димитрием, выявляя, насколько кропотливой, тщательной была работа Святителя. Как совершенно верно написал в своих воспоминаниях митр. Волоколамский Питирим (Нечаев), Александр

¹⁰ Шляпкин И. А. Святитель Димитрий и его время. СПб., 1891. С. 375, прим. 1.

Михайлович «заново проделал всю чудовищную работу, которую до него сделал святитель Димитрий»¹¹.

Свое исследование текста Миней А. М. Державин начинает с обращения к месящеслову, составленному свт. Димитрием, который также начинает свой труд с этой работы. Кропотливое составление месящеслова помогло Святителю вскрыть ошибки, допущенные в славянских месящесловах; Александр Михайлович приводит такие рассуждения Димитрия: «21-го августа, после жития св. апостола Фаддея, одного из 70-ти, Святитель пишет: “Буди вестно, яко сей св. Фаддей ин есть от св. Иуды Фаддея, Леввей нарицаемого, единого от дванадесяти апостолов, его же память июня месяца в 19 день, чти о нем тако. Написано же в Прологу в сей день над синаксаром о нынешнем Фаддеи сице: память св. апостола Фаддея, иже и Леввей. Но то проименование Леввей не сему св. Фаддею, но первому, иже от дванадесяти в Евангелии Матфеа, в гл. 10, ст. 34 приписано есть, еже ясно изъяви Никифор Каллистов” [Церковная история. Кн. II, с. 40]¹², и далее приводится выдержка из истории Никифора [Четии-Миней, ч. IV, л. 723-й]. 13-го июля вскрыта была свят. Димитрием в Прологе и более грубая ошибка — присвоение одного и того же синаксаря двум совершенно различным святым, — преп. Стефану Савваиту и мч. Серапиону. Характерна заметка, которую Святитель сделал по этому случаю в рукописи: “Зде рассмотрети добре подобает, яко в Миней канон и служба преподобному, а в Прологу синаксарь мученику. О разнствии убо Стефанов Савваитов зри Acta SS. марта III, 166, п. 5. И в наших книгах марта 20-го после истории избиения свв. Отцев”. Далее, в той же рукописи, отмечая память сщмч. Серапиона и познакомившись с синаксарем ему в Прологе, Святитель приходит в негодование и пишет: “Зри Прологову бредню, той же един синаксарь, иже и Стефану Савваиту, видети убо есть (?), яко не зде (?) Стефан Савваит, но Серапион, который et Martyrol. Romanum в сей день” [Рукопись Московской Типографской библиотеки № 420 (472), л. 458-й]».

Великолепное знание не только богослужбной, но и святоотеческой, а также житийной литературы славянской, греческой и латинской позволило Александру Михайловичу до мельчайших подробностей проследить ход работы свт. Димитрия по созданию Четиих Миней. Он показывает, какими источниками пользовался Святитель. В многочисленных случаях свт. Димитрий, указывая источники, выражается довольно уклончиво. «Он пишет: “От греческих рукописцев” (см. января 27-го житие преподобной Евсевии-Ксении; 31-го — святых

¹¹ Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Указ. соч. С. 234.

¹² Зд. и далее все подстрочные примечания о. Александра вносятся в основной текст и заключаются в квадратные скобки.

Кира и Иоанна; февраля 7-го — преподобного Луки Елладского и 1003 мучеников; 20-го — святого Льва, епископа Катанского), “От различных писателей” (см. сентября 3-го — житие святого Иоанна постника; января 28-го — святого Ефрема Сирина; августа 9-го — святого апостола Матфея), “От древних мартирологов” (см. июля 29-го — житие святой Серафимы; 13 декабря — святой Лукии девы), “От иных историков достоверных” (см. ноябрь 28-го — житие святого Стефана нового; января 27 — перенесение мощей святого Иоанна Златоуста), “От Четирих Миней” (см. ноябрь 16 — житие апостола Матфея; 23-го — святого Амфилохия; декабря 1-го — святого Иоанна милостивого; 4-го святой великомученицы Варвары) и т.д.» Сличая тексты Дмитриевых житий со сборниками (Макарьевских великих Миней Четирих, Лаврентия Сурия, Деяний святых (*Acta Sanctorum*), Богослужбных книг, Житий святых отцев и др.), Александр Михайлович указывает, какие эпизоды откуда были взяты. Он ищет оснований, по которым Святитель изменяет имена действующих лиц, их возраст, подчас место действия, по сравнению с указанным в Минеях источником жития. Так, «в житии святого Феодора Стратилата, главным источником которого было Метафрастово житие из сборника Сурия, некоторые отступления от Метафраста находят себе оправдание в житии, находящемся в сборнике “Анфологион” (богослужбный сборник, напечатанный в 1619 г. в Киеве и, как говорится в предисловии, “по чину восточного благочестия исправленный и по всему истинне от греческого преведен”). Например, Метафраст пишет, что число обратившихся ко Христу с св. Феодором воинов было “octoginta”, у Святителя, как и в “Анфологионе” — 72; у Метафраста нищий нес “manum” (руку) богини Артемиды, — в “Анфологионе” и у Святителя — “главу”... Из “Анфологиона” же взяты и те дополнения, которыми Святитель в некоторых местах расширяет повествование Метафраста». Александр Михайлович разделяет все написанные Святителем жития на три большие группы в зависимости от того, какие и сколько источников легло в их основу, так как одни жития написаны по одному источнику, некоторые же Святитель считал возможным дописать самостоятельно.

Изучая жизнь Святителя, обстановку в тот период на Украине, Александр Михайлович делает вывод, что свт. Димитрий довольно плохо знал греческий язык. Многочисленные же ссылки на Симеона Метафраста или ссылки «от рукописцев греческих» скрывают знаменитое издание болландистов «*Acta Sanctorum*» или сборник Сурия¹³.

¹³ *Surius Laurentius. Vitae Sanctorum orientis et occidentis.* [2-е издание в семи томах.] 1573–1578 гг.

Но эти ссылки не сильно грешат против истины, так как жития, возле которых стоят подобные ссылки, действительно были заимствованы болландистами из разных найденных ими греческих рукописей.

Александр Михайлович показывает критическое отношение Святителя к источникам. Например, о некоторых житиях в «Acta Sanctorum» А. М. Державин пишет: «Иногда встречаются здесь отметки и о достоинстве житий. Так, отмечая из второго январского тома житие Афанасия Пелопонийского, Святитель снизу приписывает: “Много слов, дела мало”, или из третьего февральского тома выписав целый ряд имен, Святитель против каждого имени замечает: “Нечего писать”...». По рукописям Святителя Александр Михайлович прослеживает и выписывает все жития, которые были отмечены в списке, но оказались невнесенными в Четию Минею: «к подобным относятся: — Атика, патриарха Цареградского (январь, т. I, с. 493), Петра епископа Севастийского (там же, с. 589), в Четиих Минеях только память (9 января) святых Пегрия и Евтропия (январь, т. I, с. 725), святого епископа Илария (там же, с. 782), святой Макрины (там же, с. 952), святых Исидора и Евстафия (там же, с. 1015), святого Евфимия (там же, с. 997), святого мученика Василиска (январь, т. II, с. 221), святого патриарха Фавиана (*ibid.*, 252), святого Викентия (*ibid.*, 293), святого Дионисия Севастийского (февраль, т. II, с. 158), святого Марка Афинского (март, III, 778) и святого Евтихия (май, V, 249)». О творческой, критической работе Святителя с источниками свидетельствует правка, которую Святитель вел в соответствии с несколькими источниками. А. М. Державин разбирает много примеров такой правки, но мы приведем лишь один — это житие св. Саввы освященного, 6-го декабря. «Источниками для него были, — пишет Александр Михайлович, — Кириллово житие Преподобного, заимствованное Святителем из великих Четиих-Миней, и Метафрастова переработка его, взятая у Сурия. В пересказе Святителя то и дело сказывается влияние то одного, то другого источника. Так, родиной Преподобного была “весь Муталаска”, как и у Сурия (“*in vico Mutalasca, hoc est enim ei nomen*”), в великих Минеях св. Савва происходил из “Мутанска града”; брат матери Саввы у Святителя “Ермий” (у Сурия “*cui nomen erat Hermias*”), в ВЧМ¹⁴ — “Иеремий”; село другого дяди у Святителя называется “Сканда” (“*in quodam vico nomine Scandoa*” — у Сурия), в ВЧМ — “Скайда”; монастырь Флавианов, куда удалился Савва, отстоял “от Муталасские веси за двадесять стадий”, как и у Сурия (“*quod distabat viginti stadiis a Mutalasca*”), в ВЧМ — “двема же

¹⁴ Сокращение, принятое в исследовании А. М. Державина для Великих Четиих Минею митр. Макария.

надесятма поприщма от града” (по гречески — εἴκοσι). Встреча преп. Саввы с родителями в Александрии описана тоже по Сурию, — в ВЧМ совсем нет слов, которые говорит Преподобный отцу и матери (тут в славянском тексте пропуск), но количество златниц, предложенных родителями Савве — “четыредесятъ” — указано по ВЧМ, — у Сурия: “viginti aureos” (в греческом: εἴκοσι). По тем же Минеям указано время кончины преп. Евфимия — “патриаршествующу в Иерусалиме Анастасию”, — у Сурия имени патриарха нет. Варваров, которых преп. Савва встретил в пустыне, Святитель, следуя ВЧМ, называет “сарацинами”, у Сурия они именуются “Agageni”, но принесенным ими финикам дано латинское название “дактили”».

Приводятся в исследовании и причины изменения житий, которые Святитель сам показывает в примечаниях к тексту житий или сказаний. Например, в июле «10-го, перенесение ризы Господней из Персиды в Москву; Святитель излагает проложное сказание самостоятельно и исправляет; в Прологе на отдельном листке есть заметка против слов, указывающих, когда Иверия обратилась ко Христу: “сие (т. е. сообщение Пролога) недостоверно, уже бо в то лето вел. царь Константин не бе в живых. Когда Иверская земля крестися зри Барония т. III, Анналы, 327, п. 11”; 28-го, святых апостолов Прохора, Никанора, Тимона и Пармена, — в месяцеслове: “Пармен — Бароний, Анн. 109, п. 27 и Сурий, VII, 296”; в Прологе на поле: “Тимона декабрь 30. О св. Прохоре зри Болланда т. I, апр. л. 818, 910 и Римск. Мартиролог апрель 9-го, Никанор — декабрь 28-го о Пармене Болланд. янв. 23-го, а Тимон где?” (Тимон в синаксаре Пролога пропущен). На отдельном листе: “О св. Прохоре в житии Петра св. июня 29-го, Метафраст пишет (Сурий III, 965), що Петром св. в епископы в Никомидию поставлен, а zde пишется яко по преставлении св. Иоанна Богослова первый епископ бе Никомидии Прохор. Богослов же святыи после Петра по мнозех летех скончася”; на основании всех указанных источников Святитель и сделал исправления и дополнения в проложном сказании о святых. [Так святой Прохор у него сначала ученик Петра, а потом Иоанна Богослова; Тимофей по Римскому Мартирологу (с. 164) распят на Кресте, о Пармене — два мнения — из Сурия и Пролога.]»

Список источников исследования А. М. Державина невелик и отражает круг книг, из которых Святитель черпал материал для своих житий. Он имеет всего лишь 25 позиций, в него, в частности, входят, как писал сам А. М. Державин, следующие источники: «Лаврентий Сурий — Жития святых востока и запада — на латинском языке, 2-е изд. 1573–78 г. в 7 томах, по экземпляру, хранившемуся в Моск. Синод. Типографии № 3261; Деяния святых (Acta sanctorum) в 18 томах

за месяцы январь — май; Жития свв. Отцов (Vitae sanctorum Patrum) Росвейда, на латинском языке, 2-е Антверпенское издание 1628 г. по экземпляру, хранившемуся в Моск. Румянцевском музее № 1958; Минь — “Патрология”, греческая серия, — тт. 114, 115 и 116; латинская серия, — тт. 21, 73 и 74; Руинарт — Акты мучеников подлинные и избранные, на латинском языке, изд. 1689 г.; Бароний — Церковные летописи (Annales ecclesiastici) в 12 томах; Его же. Римское мученикословие (Martyrologium Romanum) изд. 1589 г.; Греческие церковные историки: Евсевий Памфил, Сократ — схоластик, Созомен, Феодорит Кирский, Евагрий — схоластик, Феодор чтец, — все в русском переводе. Георгий Кедрин — “Деяния церковные и гражданские”, церковнослав. перевод 1794 г.; Никифор Каллист — “Церковная история”, на латинском языке; Петр Скарга — “Жития святых” (Skarga. Żiwoty świętych); Богослужбные книги: Месяцесловы, Месячные минеи, Анфологион, Триодь постная» и др.

Так, например, исследуя житие св. Екатерины, 24 ноября (по ст. стилю), А. М. Державин отмечает, что свт. Димитрий написал его по сборнику “Анфологион”, изданному в Москве в 1660 г., который сам Святитель указал как источник первой его части только при этом житии. «Правда, Метафрастово житие в латинском переводе было у Святителя в сборнике Сурия и на последнего в первом месяцеслове есть ссылка (VII т. 624 с. ср. PG¹⁵ 116 т. 275 с.), но в “Анфологионе” вторая половина жития св. Екатерины представляет из себя почти буквальный перевод той же Метафрастовой редакции, и Святитель вместо того, чтобы самому переводить латинский текст, воспользовался здесь готовым славянским переводом». Однако, как указывает А. М. Державин, Святитель пользовался им и при написании житий «Феодора Стратилата (память 8 февраля) и св. блаженного Алексия человека Божия (память 17 марта). Сравнение этих житий с находящимися в наших Четиих-Минях дает основание предполагать, что Святитель и здесь пользовался “Анфологионом”».

Чрезвычайно ценными и важными в научном плане являются и приложения к исследованию Александра Михайловича, составляющие три обширных тома и охватывающие весь годичный житийный цикл. В них более подробно разбирается текст каждого жития Четиих Миней, указываются их источники, а иногда приводятся параллельные отрывки из Макарьевских великих Миней или Житий святых Сурия и Четиих Миней Димитрия Ростовского.

¹⁵ См.: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca.* Paris, Turnhout, 1857–1866. Т. 1–161.

Однако при всей, казалось бы, фундаментальности исследования сам Александр Михайлович скромно отметил, что некоторые вопросы он не успел осветить, предоставив их исследование будущим поколениям исследователей. Первый вариант его монографии был без приложений, а три их тома, в которых день за днем разобраны жития святых с привлечением очень многих источников, которыми пользовался в своей работе свт. Димитрий, составляют очень важное и ценное добавление к первоначальной версии работы А. М. Державина. Они, по сути, содержат материал, достаточный для нескольких диссертаций.

Еще в 1989 г. В. В. Калугин, также исследовавший русскую литературу XVII в., писал, что «большое научное значение имела бы полная публикация фундаментального исследования протоиерея А. М. Державина»¹⁶. Сейчас благодаря помощи Союза писателей России и Троице-Сергиевой Лавры труд Александра Михайловича начал издаваться, но, к сожалению, не так скоро, как хотелось бы.

Кончина протоиерея Александра Державина последовала на 92-м году жизни. Похоронен он на старинном московском Пятницком кладбище недалеко от храма Знамени, где служил до последних своих дней.

FATHER A. M. DERZHAVIN. PERSONALITY AND SCIENTIFIC WORK

YE. DERZHAVINA

The article is written as a biographical sketch portraying a priest and a scientist who during the grim years of Soviet rule committed himself to work on such tasks in the field of Russian hagiography the scale of which can only be compared to kindred tasks implemented by the famous Bollandists. In the history of Russian science father Alexander Derzhavin holds a prominent place as the author of a unique monograph dedicated to the sources and textual history of Chetyi Minei ("Monthly Readings") compiled by St. Dmitri of Rostov. The first part of his monograph has only recently been published thanks to the efforts of the author of the present article. In publishing this article the editorial board intends to open a series of publications devoted to the history of ecclesiastical, historical and philological science in Russia.

¹⁶ Калугин В. В. Трудитесь ближних ради // Московский церковный вестник. Ноябрь, 1989. № 16. С.3.